

Владимир Рапацевич

Ночь коротка

Рассказ

1. Июнь 1974 г. Сентябрь 1946 г. Иркутская область

Эта ночь на 16 июля снова была бессонной. Также, как и годом раньше, Леониду Петровичу не спалось. Долго лежал, ворочался, потом встал, вышел покурить на крыльцо. Сидел на ступеньке и слушал тишину, пуская дым тонкой струйкой. Встала жена, вышла посмотреть, в чём дело, может, что случилось, но тот отослал её в дом. Всё, мол, нормально, посижу, подышу воздухом. Серафима привыкла к настроениям мужа, понимала, что, наверное, есть на то причина, и в душу не лезла. Захочет, расскажет сам.

С мужем Серафима прожила в законном браке уже почти тридцать лет. Сказать, что вышла замуж по большой любви, нельзя. Леонида она почти не знала, хотя были они родом из одного села. Только была она на несколько лет младше будущего мужа, и когда того призвали на службу в РККА, ей шёл всего тринадцатый год, и помнила она его плохо. И вот когда в сентябре 46-го Лёня вернулся в родное село, вся грудь в орденах и медалях, за плечами две войны – отечественная и японская, да ещё бои у озера Хасан в 39-м, для неё он был совершенно незнакомым человеком.

Прошло два дня, и в субботу вечером Леонид пришёл на танцы, все девчата конечно взгляды на него – герой, но это с одной стороны, а с другой – староват уже, 26 лет стукнуло. Серафиме Леонид приглянулся. Вёл себя скромно, однако колкости острых на язык подружек Серафимы достойно отразил, и героизмом своим не козырял. Когда танцевали «шестёрку», то Ленька отсиживаться в сторонке не стал, а подхватив под руки соседских двух сестёр Марусю и Валентину, смело выступил к противоположной «тройке» – молодому Сашке с двумя самыми бойкими деревенскими девчатами, которым соперников в деревне не было, трудно тех было переплясать. Серафима сидела с подругами на лавочке у сельсовета, а большинство девчат и ребят располагались на сложенных рядом бревнах. Большая поляна служила местом гуляний молодежи, в теплое время года. Также над входом в учреждение лампочка в сорок ватт, прикрытая небольшим абажуром из жести, была очень кстати. Здесь же с гармошкой расположился и гармонист Степан, вернувшийся в 44-м с войны на костылях. Несмотря на это, сразу женился. Сапожничал, мог и пошить шапку или тулуп, а по ночам сторожил, как раз в этом же сельсовете...

...Все с интересом наблюдали, как две троицы поочередно друг перед другом отплясывали – в центре парень, а девчата с двух сторон, с косынками в руках выделяли разные коленца, выступив вперед, а затем с визгом и гиканием, отступали назад. Леонид со своими девчатами не поддавался, хотя те уже раскраснелись, а у Леньки гимнастерка на спине потемнела от пота. Серафиме очень захотелось, чтобы «новенький» не ударил в грязь лицом. Они и не уступили. По общему мнению, получилась «ничья».

Затем пляска сменилась танцами под патефон, пока Степан с ребятами покурил за брёвнами, по очереди прикладываясь к поллитровке с мутноватой жидкостью. Откупоренная газетная пробка лежала на бревне рядом с парюю солёных огурцов. Выпили, закусили, давай петь песни под Стёпкину гармошку. Потом снова танцевали.

Несмотря на то, что на Лёньку многие девчата «положили глаз», провожать до дому он повёл Серафиму. До этого пригласил её на танец, а потом изредка поглядывал в её сторону. Серафима одета была бедновато, и вместо туфель на ногах были самодельные чирки, но когда тебе всего двадцать, то красоту молодого тела не спрятать даже за невзрачной одеждой. А жила Серафима бедно. Родителей раскулачили, когда ей было десять, а её братишке всего четыре года. Старшая сестра к тому времени вышла замуж и уехала с мужем в Иркутск, другой сестре было лет четырнадцать. И хотя их семью не выслали, но дома не осталось почти ничего кроме голых стен. Мать вскоре заболела и слегла. А через год её схоронили в «березнике». Так называли между собою сельское кладбище местные жители. Хлебнула семья Серафимы нужды полной ложкой. Когда началась война, отец тоже заболел. Сестру Марусю по знакомству удалось пристроить в посёлок в 20-ти верстах в ремесленное училище. Там её кормили и одевали, а потом дали работу в оборонном предприятии. А вот Серафима с четырнадцати лет стала работать в колхозе. Отец слег, но хотя бы присматривал за младшим Ванькой, а когда похоронила и отца, пришлось совсем туго. Но силы хватило, да и люди помогли. Смогла Ванюшку поднять и даже окончил четыре класса школы. С весны Ваня и в поле подпаском, а потом на сенокосе, и на конных граблях, и на сеялке весной и на току осенью. Один раз Ванюшка попал под конные грабли, чудом живой остался, только руку зашивать пришлось. Уснул и скovyрнулся с сидения под стальные прутья...

Леонид проводил Серафиму до калитки и на прощание, задержав её руку в своей, сказал:

– Завтра приду свататься. Выйдешь за меня?

Серафима вспыхнула вся, и ничего не ответив, бросилась за калитку, забежав на крыльцо, прижалась спиной к дверям. Сердце гулко стучало в груди.

Леонид негромко окликнул:

– Фима! Я завтра приду! Слышишь?

Серафима хлопнула дверью, но только для вида, а сама осталась у дверей, ждала, когда уйдёт. Хотя Леонид ей и приглянулся, но такого поворота событий она никак не ждала.

Леонид ушёл, а она ещё долго сидела на крылечке, пока осенняя прохлада не пробрала её. Думала про себя:

– Вот дура, надо хоть было что-то сказать! Обидится теперь. Наверно не придёт. Точно не придёт!

Но вечером следующего дня Леонид пришёл. И не один, а с дедом Афанасием и бабой Любой. В деревне их звали по-простому – дед Апанас и баба Медведиха, изменяя имена и фамилии на деревенский лад. Родителей не стал звать на сватовство. Решил, что старики для этого тонкого дела лучше сгодятся.

Серафима с Ванюшкой только-только собирались поужинать. На столе варёная картошка да солёные огурцы. Хлеба в тот вечер не случилось, но гости пришли не с пустыми руками. Леонид извлёк из-за пазухи шинели завернутую в холстину половину хлебного каравая, а из карманов бутылку вина, и банку консервов. В отдельной тряпице оказалось несколько кусков колотого сахара.

– Ну вот, мы вовремя оказались! – Леонид ловко вскрыл консервную банку трофейным складным ножом, и принялся нарезать хлеб. – Доставай посуду, хозяйка.

– Ну, хозяйка, – обращаясь главным образом к Ванюшке и Медведихе, дед Апанас хитро прищурил левый глаз, – ваш товар-то мы знаем, на глазах выросла, а вот и купец подходящий нашёлся. Все при нём! А на грудях, так целый иконостас! Герой!

Несмотря на то, что Медведиха была Леониду родной бабушкой, здесь она выступала наоборот, как близкая родня Серафимы, так как с её стороны это сделать было некому.

– Ай, многа вас охотникав до нашева товара! – ввязалась в нарочитый спор бабка Медведиха, – У нас вон глянь, маладая да красивая, а работающая! Вон глянь, Ваньку вырастила, ишь какой брат вымахал, самаво яво скоро сватать будем! Правда, Ваньк!

Медведиха говорила ярким белорусским говором, налегая на букву «р». Ванька покраснел, и потихоньку отодвинулся на всякий случай подальше от острой на язык бабушки.

– А ваш купец вже староват чтой-та? А можа у няво в каждом гораде нявеста есть, где нябудь в Германии али в Китае? – продолжала Медведиха. – А наша хошь и небогата, а на все руки хватат! Хошь рожь пасеець, хошь пашаницу пажнёць! Лён пасеець, уберёць, патреплиць, вычешіць, спрядёць, атбелиць, убярёць, да рубаху сошьёць! А за скатинкой убиратца вучить ня нада. Была б толька скатинки полная ограда.

– Ну, пошла языком чесать! – восхитился дед Апанас, который и сам был не прочь словечко ввернуть. – Ты пойми, дурная баба, что у двоих в два раза лучше жить! Где зарод метать, где в доме венцы поднят, где забор подправить, где скотинку управить,

где картошку копать, а где жонку обнять, да покрепче прижать!!! – дед мечтательно возвёл глаза к потолку.

– А чёй-то купец-то молчить? Можя испужалси гярой? З девкай-то пастрашнея чим з японцами да з немцами – Медведиха хитро посмотрела на сидевшего за столом внука. Тот поднял взгляд на Серафиму, щеки которой пылали, а руки не находили себе места, то поправляли старенькую кофточку, то убирали невидимые крошки со столешницы. Леонид встал, привычным движением одёрнул гимнастёрку, повернулся всем телом к Серафиме, сидевшей с краю:

– Серафима Егоровна, я прошу твоей руки! Обижать не буду, жить и трудиться будем вместе и во всём буду тебе помогать. Могу плотничать, шоферить, и весь крестьянский труд ещё не забыл. А Ванюшку тоже не обижу, буду ему как брат или отец, если захочет. Вот прошу при свидетелях.

– Ну, вот самое распрекрасное время выпить, – ввернул словечко дед Апанас. – Ты, Фима, не молчи, соглашайся. А то мочи нет терпеть, выпить охота! Люба, скажи ей!

Серафима тоже встала из-за стола, коротко взглянув на Леонида, тихо сказала:

– Я согласна.

– Вот это дело! Вот это дело! – повторял дед Апанас, расставляя уже наполненные кружки. – Вот теперь Лёня пересядь рядом с Фимой. Эх! – крикнул дед, опустошив кружку. – Красота-то какая, хоть снова женись!

– Я вот Стёшке тваёй скажу, она тэбе враз женилку-то и открутить!..

Ночевал Леонид в родительском доме, а утром уехал с попутной подводой в город – нужно было встать на воинский учёт. На обратном пути заехал в соседнюю деревню к матери Николая – погибшего под Берлином друга. Там и заночевал, а домой вернулся только во вторник.

Нашёл Серафиму на ферме, заведующему сказал:

– Серафиму сегодня отпусти, отработает потом. Надо нам одно дело уладить.

Какое такое дело вся деревня уже знала. Об этом только и было разговоров. Но старый Матвейч всё равно долго возмущался, что, мол, некому коров на вечерней дойке доить. Леонид не стал дослушивать его ворчание, а взяв смущённую Серафиму за руку, повёл её прямоком в сельсовет, где председатель Степан Лукич сделал соответствующую запись в книге актов гражданского состояния. Молодые расписались в указанной узловатым председательским пальцем графе. Выпили по сто грамм магазинной водки, привезённой Леонидом из райцентра, остальное оставили в знак благодарности представителю власти. Бланк свидетельства о регистрации пообещали выдать попозже, когда подвезут из района. Вот и вся свадьба.

Чемодан с вещами и шинель Леонид уже перенёс в дом Серафимы, поэтому из сельсовета сразу пошли домой. И стали жить вместе.

2. Июнь 1944 года г. Велиж, Смоленская область

Синее бездонное небо и ещё пока не жаркое утреннее солнце над изрытой и избитой землёй. Высоко в небе широко распростерши свои крылья, кружит коршун. Для того чтобы парить высоко над землёй, большой хищной птице вовсе не нужно больших усилий. Стоит поймать восходящий от земли поток воздуха, и он тебя будет сам поднимать все выше и выше. Только лёгким шевелением краешком крыльев и хвоста коршун придаёт направление и медленно кружит. Чуть склонив голову набок, птица смотрит вниз своим круглым хищным глазом.

Там далеко внизу, несмотря на ранний час, кипит жизнь. Дорога лентою тянется между полями и перелесками, а по ней ближе к обочине, бесконечными колоннами двигаются люди, одетые в одинаковую защитного цвета одежду. Опережая пехоту, идут, пыля колёсами, машины. А рядом с шоссе, прямо по накатанной гусеницами дороге, двигаются, пуская дым и пыль, железные коробки танков. Навстречу всей этой двигающейся людской массе, жидкой струйкой бредут другие. В основном пешком, а то и на телеге, с запряженным в неё конём. Иногда шустро пролетают, сигналив небольшие машинки, протискиваясь в узкое пространство дороги. А по обочинам тут и там разбитая техника. Всё это видит птица, и никакая мелочь не может укрыться от неё на расстоянии в километры. Клёкот коршуна – голос настоящего хозяина неба. Вдруг хищник замедляет своё парение и устремляется вниз, сложив крылья и стремительно набирая скорость, миг и птица устремляется вверх, держа в когтях добычу – зазевавшегося суслика или бурундука...

– Смотри, Лёнька, смотри! Коршун кого-то потащил! – один из идущих солдат указал в сторону своему соседу, шедшему в колонне справа.

В составе 8-й стрелковой роты 158-го гвардейского стрелкового полка шагал и сержант Леонид Медведев. Шли маршем уже третьи сутки от самого Смоленска. Остановка, небольшой привал, и снова вперед, на северо-запад по шоссе-дороге Смоленск – Невель. Когда нагоняла полевая кухня, был большой, часовой привал. Ночлег, чаще в каком-нибудь населённом пункте, и дальше на северо-запад.

После изнурительных боёв зимы и весны 44-го, некоторые части 6 гвардейской армии, наиболее потрепанные, были отведены на отдых и пополнение. Отмылись и слегка отъелись, получили новое обмундирование, и месяц спустя снова на передовую. По всему было видно, что готовится новое крупное наступление. Линия фронта уже вышла к Белоруссии. А ведь где-то здесь проживала Лёнькина бабушка по материнской линии – баба Люба. Ещё до революции с мужем и тремя детьми они выехали в Сибирь искать лучшей доли. Старшей Дуняше – будущей Лёнькиной маме было тогда десять лет. Как-то они сейчас там, в далёком сибирском селе?

На привале командир взвода сказал, что сегодня ночевать будут в городке Велиже, а дальше обещали машинами до линии фронта. До Велижа километров двадцать. Обед,

он же и ужин будет там. Там же получают сухой паёк на три дня. Значит, место дислокации совсем близко.

В два часа пополудни пришли в Велиж. До войны, наверное, был вполне симпатичный старинный городок, раскинувшийся по обоим берегам Западной Двины. Но сейчас местечко представляло собой сплошные руины. Кирпичные дома разрушены, а от деревянных построек, только печные трубы. Мрачную картину довершали полуразрушенные храмы, православный и униатский на противоположных сторонах реки. В общей сложности бои за город шли около двух лет, а с января по сентябрь прошлого года линия фронта проходила прямо посреди Велижа. Разделённые рекой стороны обильно обстреливали друг друга из всех видов оружия. Как выживали немногочисленные мирные жители, представить было невозможно.

Однако сейчас здесь всюду бурлила жизнь. Завалы разбирались, кое-где были временно возведённые барачного типа здания. Первым делом был налажен мост через Двину, хотя и временный, но танки выдерживал. Невдалеке от разбитой ратуши в возведенном бараке размещались власти города, а напротив его штаб 51-й гвардейской дивизии. Работали как гражданские, так и военные – в основном саперные части.

Рота Леонида Медведева была отведена недалеко от полевого госпиталя за разбитой церковью. Невдалеке протекала речушка Велижка, на берегу которой размещены дощатые казармы и большие армейские палатки. Расположились, стали приводить себя в порядок. После обеда, все кроме дневальных, стали заниматься житейскими делами. Кто наладился помыться и постираться в речушке, кто писал письмо, кто-то пиликал на трофейной губной гармошке, а кто-то спал в казарме на дощатом полу, постелив шинель и подложив под голову вещмешок. Так же поступил и Леонид. Умывшись до пояса в речушке, и прополоскав портянки, завалился в казарме, рядом с однополчанами. Прошлую ночь дневалил, поэтому выключился сразу. Но поспать, как следует, не дали. За плечо потряс взводный – Лёнькин земляк.

На войне земляк – ближе, чем родня, если даже из соседней области. А Николай из соседнего села, всего в 16-ти километрах. Правда, до войны не были знакомы. Лёнька в армию призвался ещё в 39-м, успел на Хасане повоевать, а Николая забрали осенью 41-го, до этого слесарил в автомастерских. Вместе оказались весной прошлого года. Николай тоже был сержантом, но после кратких курсов младших командиров, получил по одной звездочке на погоны, и вернулся уже командиром взвода. Однако звездочка не повлияла на их отношения, хотя субординация все же была.

– Вставай, а то всё самое интересное в жизни проспичь!

– Чего здесь интересного, в этих развалинах?

– Через час концерт возле госпиталя. Артисты уже приехали. Говорят, сам Утёсов будет петь. А там и сестрички молоденькие из госпиталя, – Колька лукаво подмигнул.

Сон, между прочим, как будто ветром сдуло. Закопошились и другие бойцы. Быстро надраивались сапоги, доставались завёрнутые в тряпицы награды, у кого были, конечно. По ним тоже проходились суконкой, чтоб поярче горели. У Лёньки с этим делом порядок – орден Красной звезды, две медали «За отвагу», знак «Ворошиловский

стрелок», который получил ещё в 39-м. Ну и гвардейский знак на правой груди, как и у всех без исключения однополчан. У Николая чуть поскромней – ордена нет пока, и Ворошиловского стрелка тоже, только две медали имеются. Зато фуражка офицерская и портупея через плечо.

Через полчаса, свободные от дежурства красноармейцы, построились в колонну по двое и выдвинулись повзводно к госпиталю. Вместо уставших после марша, запыхлённых и потных солдат шагали подтянутые, бодрые, гвардейцы, да еще и налегке. Шинельные скатки, вещмешки, лопатки, противогазные сумки и стрелковое оружие сданы под охрану, с собою только самое необходимое. А впереди концерт, артисты, и даже, может быть, приятные знакомства!

Достаточно большое пространство перед госпиталем было уже наполнено зрителями, примерно половину из которых составляли ходячие раненые. Здесь же находилась группа медсестёр во главе с врачами. Остальными были военные и небольшое количество местных. Даже имелись и ребятишки, расположившиеся на частично уцелевшем заборе. Почти вплоты к ограде, был установлен грузовик ЗИС-5 с откинутыми боковым и задним бортами. Боковой борт украшала надпись: «Джаз – оркестр Леонида Утёсова». К заднему борту пристроена лесенка с перильцем. Такая вот походная сцена. А за машиной вплоты, большая брезентовая палатка, которая служила артистам и гримёрной и костюмерной.

Пока бойцы располагались полукругом у импровизированной сцены, сигналив, подошёл автобус с артистами. Несколько бойцов, призванных в помощь, установили скамьи на кузове для музыкантов. Пока восемь человек из оркестра рассаживались полукругом, ведущий обратился к зрителям с приветствием и призывом бить врага, выбить его с советской земли и уничтожить в его змеином логове.

– А сейчас, вашему вниманию представляем джаз-оркестр Леонида Утёсова!

Под шквал аплодисментов по лесенке вбежал любимец всего советского народа. Был он одет по военному – в гимнастёрку и галифе в отличии от остального оркестра, одетому по гражданскому – в костюмы и бабочки.

– Родился я в городе Одессе, самом прекрасном городе на земле. Враг ворвался в мою страну и в мой родной город, но два месяца назад фашистская гадина была вышвырнута из Одессы. Наши бойцы не жалели своей жизни при её освобождении, как не жалеют жизни при освобождении и других советских городов, самых прекрасных, для тех, кто в них родился. После себя они оставляют руины, но мы восстановим наши города, и они будут ещё прекрасней, чем до войны! А сейчас мы посвящаем свой концерт воинам Красной армии, которая освобождает нашу страну от гитлеровской чумы. И начинаем его с песни, хорошо вам известной – «Мишка одессит», которая была написана в 41-м году, и окончание песни о возвращении Мишки в освобожденную Одессу было написано в будущем времени, но сегодня они исполнились и впервые прозвучат по новому.

И концерт начался... А когда Утёсов заканчивал песню, то сестрички и нянечки не смогли сдержать слёз:

Широкие лиманы, цветущие каштаны
Услышали вновь шелест развёрнутых знамён,
Когда вошёл обратно походкою чеканной
В красавицу Одессу гвардейский батальон.

И, уронив на землю розы
В знак возвращения своего,
Наш Мишка не сдержал вдруг слезы,
Но тут никто не молвил ничего.

Хоть одессит Мишка, а это значит,
Что не страшны ему ни горе, ни беда.
Ведь он моряк, Мишка!
Моряк не плачет,
Но в этот раз поплакать, право, не беда!

А дальше были: «Заветный камень», «Тёмная ночь», «Тайна», «Военные частушки», а также и переделанные на новый лад «С Одесского «кичмана». Вместо двух воровских уроков были Гитлер и Геббельс, а «кичман» был не Одесский, а Берлинский. Зрители яростно аплодировали, кричали «браво», а кто-то преподнёс огромный букет полевых цветов.

В антракте выступали танцоры и жонглёры, а в во втором отделении Утёсов представил свою дочь красавицу Эдит, с которой они спели «Барон фон дер Пшик» и «Будьте здоровы», а потом Эдит сольно спела «Полюбила я парнишку» и ещё две песни.

И вот уже наступает окончание концерта. Ведущий объявляет:

– По просьбе начальника госпиталя товарища полковника Петренко, Леонид Осипович Утёсов исполнит песню «Моя любимая».

Как и другие бойцы, Лёнька слушал бархатный голос Утёсова, а душою видел всё, о чем пелось в песне: прощание солдата с любимой, машущие платочком вслед девушки, боец, пишущий письмо на привале, фотокарточка любимой, обещание бить врага, и что-то ещё такое, от чего щемило сердце...

Песня закончилась, несколько мгновений стояла полная тишина. А затем крики «браво» и «бис».

– Друзья мои, дорогие мои товарищи, сейчас мы исполним для вас новую песню, вальс. Авторы его, замечательные советские песенники Марк Фрадкин и Евгений

Долматовский назвали его «Офицерский вальс». Товарищи офицеры и солдаты, приглашайте дам.

Леонид с Николаем находились рядом с группой медсестёр. Некоторые из них были одеты в белые халаты, другие, по-видимому, не занятые на дежурстве, одеты по возможности нарядно. Совсем рядом, взяв друг дружку под руку, стояли две молодые дивчины. Одна из них, побойчее, успевала и на артистов поглядеть, и по сторонам глазами пострелять. Несколько раз поглядывала на Николая с Лёнкой, и что-то потом, смеясь, нащёптывала подружке. Та тоже коротко посматривала в их сторону. Лёнке показалось, что она смотрит на него.

Козырнув, Николай пригласил ту, что побойчее, звали которую как выяснилось, Валентина, а Леонид, щёлкнув каблуками, пригласил её подругу:

– Разрешите?

Скромно потупив глаза, та кивнула. Оркестр уже играл. Проигрыш был большим, и позволил желающим уже разбиться по парам, заполнив все пространство перед эстрадой.

Мягкий с хрипотцой голос запел:

Ночь коротка,
Спят облака,
Я знакомую музыку вальса
Услыхал в тишине городка.
Утро зовёт
Снова в поход.
Хорошо, что я встретился с вами,
Проходя мимо Ваших ворот.

Хоть я с вами совсем незнаком,
И далёко отсюда мой дом,
Но мне кажется, снова
Я у дома родного...
В этом зале большом
Мы как будто вдвоём
Так скажите хоть слово,
Сам не знаю о чем...¹

¹ Один из первых вариантов песни «Случайный вальс».

Куплет в песне был всего один, только припев повторялся, но оркестр играл проигрыш по несколько раз. А потом ещё сыграл несколько танцевальных мелодий. В перерыве между танцами Леонид не выпустил руку девушки.

– Как Вас зовут?

– Маша, – и она взглянула на Леонида своими серыми глазами.

– А меня Лёня, – в горле у него вдруг сделалось сухо, – потанцуем ещё?

– Да. – Маша кивнула.

Со стороны обделённых женским вниманием бойцов были поползновения перехватить Машу на танец, но Лёнька делал зверское лицо в сторону покусителя, незаметно для девушки показывал увесистый кулак.

Николай с Валентиной кружились вовсю. Подол платья развевался, а Валентина весело что-то щебетала Николаю, но Леонид ничего не видел кроме серых удивительных глаз напротив.

3. Июнь 1944 года г. Велиж, Смоленская область

После того как танцы закончились, Николай с Леонидом отвели своих девчат в сторонку и закурили.

– Милые дамы можем ли мы рассчитывать на возможность Вас проводить до дома?

– Николай был сама галантность. – Вдруг кто-то нехороший похитит Вас?

Валентина подхватила шуточный тон:

– Ой, как же мы без вас в оккупации были? Сами могли за себя постоять! А теперь и подавно. Ладно, уж, проводите, не зря же столько танцевали, только меня совсем рядом провожать. Я сегодня в ночь дежурю в госпитале. Сменщица уже потеряла меня, наверное. А вот Маше повезло с провожатым. Вон он, какой серьёзный, в обиду не даст. – Валентина звонко рассмеялась.

– Минуточку милые дамы, товарищ сержант, нам надо переговорить один важный момент! – Николай отвёл Леонида чуть в сторону.

– Ну, ты чего, Лёнька? Не дрейфь! Если что, прикрою. Смотри только, чтобы утром на построение не опоздал, а то кипешу будет. Мне-то нельзя, а то махнул бы с тобой местами.

– Отстань, у тебя невеста есть. Письма-то пишешь чуть не каждую неделю. А я свободный, как в поле ветер, в небе дым. Так что Auf Wiedersehen, mein Freund!²

Пока Николай с Леонидом переговаривались, Валентина, посмеиваясь, опять что-то нашёптывала на ухо Маше.

– Ну, что же, разрешите проводить! – Николай склонил голову перед Валентиной и левой рукой взялся за ремень. Валентина подхватив под руку своего кавалера, помахала рукой Маше и Леониду.

Площадь перед госпиталем уже почти опустела. Автобус с артистами уехал, а в грузовик загружали последний реквизит, сложенный брезент, лестницу, какой-то стол, скамьи и прочий скарб. Наступили летние сумерки, хотя было ещё достаточно светло.

Маша также взяла Леонида под руку, они неторопливо стали подниматься вверх по улице, а вернее по тому, что от неё осталось. Проезжая часть улиц была расчищена тракторами, чтобы машины и подводы могли беспрепятственно проезжать в обе стороны, но так было не везде. Когда свернули на узкую улицу, на которой были когда-то деревянные дома, то приходилось больше смотреть под ноги, хотя Маша хорошо ориентировалась в наступающей темноте, невольно прижавшись ближе к Леониду. По сторонам тут и там виднелись силуэты печей, уцелевших домов почти не было.

– На нашей улице только три дома уцелели. Бабушкин дом совсем целый остался, только сейчас она пустила соседей, целых три семьи. Я, пока лето, в сарайчике живу. Там спокойней, после работы можно поспать. А печку железную топим прямо в ограде. Дров полно, вокруг дома разбитые, только таскай. У нас соседские ребятишки этим занимаются.

Маша чувствовала, что говорит не о том. При чем здесь дрова и железная печка? Рядом этот парень, который понравился ей с первого взгляда, еще до того как пригласил на танец. Его сильная рука, и идут они бок о бок, так близко! Сейчас он проводит её, и они расстанутся навсегда. Боже, как же быстро они приближаются к дому!

– Расскажите о себе. Можно я буду Вас называть Лёня? У меня брата так звали.

– Конечно. Но мне о себе и рассказать-то нечего. Сам я из Сибири, детство в деревне прошло. В 38-м призвался в армию, а потом, когда война началась, нас перебросили под Сталинград. Так что вся моя сознательная жизнь солдатская. Вот закончится война, если буду жив, то вернусь в родное село. Там родители, бабушка. Она из Белоруссии из Витебской губернии. Где-то здесь недалеко они с дедом поженились, а потом в Сибирь поехали. А у тебя где родители? Ты всё про бабушку говорила.

– У меня родители погибли под бомбёжкой. Мы с ними в Смоленске жили. Мама учительницей была, а папа врачом. Он на фронт просился, когда война началась, но его не взяли, по состоянию здоровья. И он в больнице работал. Лёня на фронт ушёл добровольцем, но до фронта не успел доехать, их часть попала под обстрел уже почти на передовой. И Лёню снарядом убило, а его однокурсник жив остался, только ранило, ему

² До свидания, мой друг! (нем.)

руку отняли в госпитале. Он нам и написал письмо как Лёня погиб. Немцы уже к Смоленску тогда подошли. Я на курсах медсестер училась, а ночью мы дежурили на крышах, «зажигалки» сбрасывали.

В ту ночь бомбёжка была три раза. Мы с подружкой дом спасли, в котором дежурили. В него целых три «зажигалки» попали. Мы их щипцами, и в бочку с водой. Потом их вниз сбрасывали через слуховое окно. А самим страшно. Вдруг не потушим, а ещё страшней, когда свист стоит и вой от бомб. А вдруг не зажигалка летит, а фугас! Они разные бомбы сбрасывали. А когда где-то рядом взрывы, дом весь трясётся, кажется, что сейчас развалится. Плачем от страха, молимся про себя.

А утром иду домой, а нашего дома нет. Он на углу был, большой такой, шесть этажей. Только задняя часть осталась. А бомба прямо в наш подъезд попала. Я когда вечером на дежурство уходила, папа с мамой были дома... – голос Маши задрожал и сорвался.

Леонид, остановившись, взял её ладони в свои и тихонько погладил. В уже стгутившихся сумерках были видны слёзы на щеках девушки. Она потихоньку высвободила одну руку и вытерла их рукавом кофты. Пошли дальше, спускаясь к речушке. Здесь в ложбине и находились несколько уцелевших домов.

– Ты знаешь, я последний раз танцевала только на выпускном, как раз 21 июня. А под утро, фашисты нас бомбили в первый раз. Потом, когда немцы вошли в город, я стала пробираться к бабушке в Велиж. А что в Велиже делалось? Здесь до войны полгорода проживало евреев. Кто-то успел эвакуироваться, но таких было мало. Остальных немцы согнали в гетто. Они там в сараях жили и в свинарниках. Их гоняли на работы и постоянно расстреливали. А когда наши стали наступать, их загнали в сараи и сожгли. Всех до одного, и детей, и стариков³.

– Вы-то как от немцев прятались, как выживали?

– Ой, не знаю как. Наряжались как бабки старые, зубы чернили, у нас хоть огородик возле дома, картошку садили, свёклу. У других и этого нет. В поле уже в начале зимы ходили картошку копать. Там мелкая была, помёрзшая. Потом мы из неё олады стряпали. Работы не было, а потом немцы начали на принудительны работы сгонять, рыть окопы на востоке от города. Как же я их ненавидела. Они всю мою жизнь сломали... Я к бабке попала уже после того как они прошли поголовную регистрацию в комендатуре. Жила можно сказать, тайком. Но немцы в основном евреями были заняты. Не до нас было. Не хочу об этом говорить...

Маша помолчала, затем продолжила:

– Я сегодня, как будто в другой жизни побывала. Утёсов, оркестр, танцы! Мы ведь в школе учились ещё, столько раз бегали смотреть «Весёлые ребята»! А тут живой Утёсов! Не хочу больше о том, что было.

³ По официальным данным в Велижском гетто во время оккупации было уничтожено более 2000 евреев.

Подошли к дому. Возле побитых, едва стоящих на подпорках ворот, была небольшая калиточка. Возле неё остановились.

– Ну, вот и пришли, Вам, наверное, пора в часть? Можно вдоль Велижки пройти, там тропинка широкая, как раз к церкви выходит. – Маша снова перешла на Вы.

– Маша подожди. Я с Николаем договорился, он командир нашего взвода. Я могу хоть до утра. Не уходи. Давай постоим маленько, поговорим. Ты может, не поверишь, но у меня не было в жизни девушки, так просто знакомые. Я даже не с кем не переписываюсь. – Леонид взял Машину ладонь в свою. – Я когда тебя увидел там, как ты на артистов смотрела. Ты мне сразу понравилась. Я только боялся, что у тебя жених есть или муж!

Сердце отчаянно колотилось в Лёнькиной груди и подступало к горлу. Похожее состояние было и у Маши. Она не знала как себя вести. Убежать? Но ноги стали как ватные. Да и не хотелось никуда бежать! Лёнька робко обнял её, не выпуская руки из своей и она покорно прислонила своё голову ему на грудь. Скрипнула дверь в доме.

– Маша! Мария!

– Это бабушка, – прошептала Маша. – Тихо!

Они замерли, и стояли так прижавшись друг к другу, пока дверь не закрылась. Потом Маша сама взяла Леонида за руку, и на цыпочках повела его вокруг соседского дома за огород, и вывела сзади дома к небольшому сарайчику. Будь поблизости собаки, они сразу же подняли бы лай. Но, ни одной собаки в округе не было – всех вывели во время войны. Потихоньку, чтобы не скрипнула дверь, завела его внутрь и, наклонив Лёнькину голову к своей, припала к его губам...

... Сколько прошло времени? Час или два? Время потеряло счёт. Оно остановилось здесь, в одном отдельно взятом месте. В маленьком сарайчике, посреди разбитой войною земли...

Леонид с нежностью смотрел лежавшее на его плече милое, почти ещё детское лицо. В предутреннем полумраке были видны рассыпавшиеся волосы и чуть подрагивающие закрытые глаза. Посапывающий милый носик, припухшие губы. У Лёньки губы тоже приятно ломило от долгих и жарких поцелуев. Во рту всё пересохло, рука, обнимающая Машу, затекла. Но что может быть приятней, чем терпеть эти неудобства. В военных передрыгах терпеть приходилось гораздо большее, и без всякого удовольствия. А это Лёнька готов терпеть всю жизнь. Где-то далеко в предрассветной тишине пропел петух. Лёнька улыбнулся. Собак нет, съели или поубивало, а петух, пойдёшь ты, поёт себе. Как в родной деревне. Правда, там ему бы тотчас ответили другие петухи по всему селу. А здесь прокукарекал, обозначил своё полное превосходство, и дальше додрёмывать. Через час снова прокричит. Это будут уже «третьи петухи» и нужно будет вставать.

Маша вздрогнула и открыла глаза.

– Спи, спи! Ты так хорошо спала.

– Я обещала тебе, что не буду спать, и не смогла, засоня. Который уже час? Уже светает!

– Пятый пошёл. У нас немного времени. Через час мне нужно уходить.

– Мне тоже к семи на смену. Я могу тебя проводить. Знаешь, я подумала, что вот если бы войны не было, я тебя никогда бы не встретила. Ведь ты вернёшься когда война закончится?

И сама же не дала Лёньке ответить:

– Тихо. Молчи. – И снова прижалась к Лёнькиным губам...

Через час они прощались у тропинки, идущей вдоль реки. Было уже совсем светло.

– Это сохрани. – Лёнька положил Маше на ладонь маленькую чёрную гильзу с завинченной крышечкой – солдатский медальон. Здесь всё обо мне. Адрес родных, моя полевая почта. Пиши. Слышишь?

Обнял ещё раз, поцеловал в красные заплаканные глаза. И пошёл вдоль речушки, не оглядываясь.

– Стой! Лёня, стой! – Маша подбежала к нему, нагнув руками его голову, одела на шею крестик. – Ты не погибнешь. Только не снимай с себя. Это мне папина мама передала, моя вторая бабушка. Она перед войной умерла, а этот крестик меня всю войну хранил. Теперь будет хранить тебя. Иди. – И сама побежала обратно...

4. Конец июня 1944 года г. Полоцк, Белоруссия

29-го июня началось. Части 6-й гвардейской армии перешли в наступление на Полоцк.

Бойцы 8-й стрелковой роты, в которой служил Леонид, уже более получаса из окопов наблюдали, как над их головами с воем пролетали снаряды наших артдивизионов. Метрах в пятистах от наших окопов, а то и ближе, сплошная стена разрывов. Земля, дым, взлетающие на воздух куски бревен и деревьев, сплошной гул. Вот-вот начнётся атака. Для многих она будет последняя в жизни. Но Лёнька гнал от себя эти мысли. Мандраж конечно был, как и всегда перед боем. Сегодня рукопашной вряд ли избежать. На танковый прорыв рассчитывать не приходится – местность заболоченная. Завязнут и будут хорошей мишенью, так что надежда только на то, что сотни тонн снарядов сделают своё дело, и ещё на себя, на то что, проскочат быстро открытую местность, пока немцы в себя придут.

По окопам пронеслось: «Приготовится к атаке!». А затем: «Вперёд!»

Привычно выбросил пружиной тело из окопа, и, пригнувшись, побежал вперёд. Рядом бойцы. Бежали молча, над головой ещё пролетали последние снаряды. Пробежали больше половины, и тут ударили немцы, и очень мощно. Главную опасность представляли пулемёты, которые буквально косили атакующих. По-видимому, били из дотов, хорошо укрепленных и не подавленных артиллерией.

Залегли. С нашей стороны ударили миномёты, но били, перестраховываясь, могли зацепить своих, однако дали возможность наступающим, хотя бы немного окопаться – продвинуться вперёд невозможно. Раненых не подобрать. Ни вперёд, ни назад. Местность голая, только небольшие кусты. За одним из них лёжа на боку, Леонид вырыл себе небольшое углубление, вжался в него.

Стали бить из орудий по огневым точкам, готовили вторую волну. Но и вторая волна захлебнулась – пробежав ещё меньше, залегли. Небольшое затишье. Лёжа на спине, из нагрудного кармана Лёнька достал крестик, поцеловал.

– Господи, помоги! Снова убрал в пришитый изнутри гимнастерки кармашек. Пошла авиация. «Илы» шли на бреющем тремя парами, вдоль линии фронта. Приблизившись к траншеям немцев, ударили реактивными снарядами, затем развернувшись, стали «поливать» их из всех стволов.

Пехотинцы вскочив, совершили последний рывок, и, бросая гранаты, под плотным ответным огнём ворвались во вражеские окопы.

Короткие очереди, удары сапёрных лопаток и штык-ножей, крики, маты, возня, стоны и хрипы... Стало стихать.

Крик ротного:

– Слушай мою команду! Занять оборону!

Стали перевязывать раненых. «Тяжёлых» оттаскивали в выдвинутые на восток ячейки немецких окопов и перекрытые щели. «Лёгкие», готовились к отражению контратаки.

Лёнька осмотрел себя. Новая гимнастёрка вся в глине и в крови, рукав почти оторван. Левый глаз заплыл, голову ломило от удара немецкого приклада. Но руки-ноги целы. Так, царапины и синяки – жить можно. Приклад автомата раскололся и едва держался. Не предназначен, однако ППШ, что бы им били по стальным каскам. Поменял автомат, взяв у убитого товарища, заодно и подсумки с гранатами и запасными рожками.

Стали подтягиваться бойцы из второй волны наступающих, появились санинструкторы. Ребята подтащили ручной трофейный пулемёт MG-42 и несколько пулемётных лент к нему. До второй линии обороны совсем рукой подать. По траншее, ведущей к ней, выдвинулись почти вплотную к немцам, устроили огневую точку и стали ждать...

И в этот, и на следующий день, несмотря на неоднократные попытки наших войск продвинуться вглубь обороны немцев и выйти к Полоцку, враг не отступил. Задача нашим частям была поставлена освободить города к концу 1 июля, но фашисты дрались отчаянно, то и дело, бросая свои части в контратаки. И только когда с двух сторон, с севера и юга по ним ударили резервные части 6-й гвардейской армии, враг дрогнул, и под угрозой окружения стал медленно откатываться к городу...

5. Начало июля 1944 года г. Полоцк, Белоруссия

Кажется, немцы готовились взорвать мост. Два моста были ими уже разрушены, а этот держали до последнего, чтобы отвести по нему свои части. Но заминировать они его успели. И теперь бегали по нему с катушками проводов, протягивая их на правый, берег.

Николай оторвался от бинокля, протянул его Леониду.

– На, смотри внимательно, подходы изучи. Нужно атаковать с противоположного берега блокпост. Они этого не ждут. Комбат приказал закрепиться и ждать подкрепления. Подкрепление пойдёт по мосту. Обещают к нему прорваться в течение часа-двух. Вам нужно уничтожить взрывные устройства, или, по крайней мере, провода. Радиоуправляемых зарядов у них нет, по всей видимости. Занять круговую оборону на блокпосте. На подготовку тридцать минут. Когда будете готовы, по команде танком спихнут в реку сарай и заборы. Одновременно начнут обстрел правого берега. Вам среди этих бревен и досок добраться до опор моста и по ним на берег. Вторая группа будет переправляться выше, отвлекать. С тобой шесть человек. Задача понятна?

– Так точно. Разрешите выполнять?

– Давай, Лёня! Ты должен это сделать!

... По шею в воде, Леонид и ещё шесть бойцов его взвода спускались по течению к мосту. Оружие и подсумки с вещмешками были закреплены на небольших плотиках, замаскированных под деревянный хлам, который плыл в изобилии по реке. Сами плыли, держась за эти доски и брёвнышки. Начался обстрел немецких позиций у моста, а потом начали ложную, отвлекающую переправу. Немцы в ответ сосредоточили по ней огонь, заставив прибиться назад, к левому берегу.

Тем временем Лёнькины бойцы причалили удачно, к крайней опоре, до берега метров двадцать. Один из бойцов осмотрел опору. Заряды крепились вверху, с воды не достать. Провода уходят наверх. Добрались до берега. Любой, случайно спустившийся вниз вражеский солдат, мог обнаружить их и поднять тревогу. Тогда ничего бы не вышло. Но повезло и во второй раз. С двух сторон внезапно выскочили на охрану, бросили гранаты в сторону блокпоста, обложенного мешками с песком и стали косить вокруг себя из автоматов. Пока ошеломлённые немцы приходили в себя, были уже в

укрытии, да ещё успели все провода перерезать. Блокпост с пулемётом и боеприпасами был захвачен. Основная часть задания была выполнена, дело осталось за малым – удержать мост.

Немцы вначале предприняли атаку силами пехоты, с противоположной стороны, тоже выдвинулась небольшая группа. Но эту атаку удалось отбить. Тогда немцы подогнали гусеничный бронированный грузовик и под его пулемётным прикрытием двинулись на десантников, но и эту атаку удалось отбить, гранатами и пулемётным огнём.

Обещанного комбатом подкрепления не было ни через час, ни через два. Силы и боеприпасы были на исходе. Из семерых человек в живых было пятеро, из которых, двое раненых.

– Уходите вниз. Нам всё равно не удержаться. – Это Пётр Романенко прохрипел на ухо Леониду. Нам не уйти. Ванька в живот ранен, а у меня ноги перебиты. Гранаты оставьте.

Немцы готовились к решительному броску. Решили не ждать. Петр из пулемёта начал бить по залегшим немцам, тяжелораненый Иван, лёжа на спине, подавал пулемётную ленту. Остальные бросились вниз, но добежали только вдвоём. Ещё одного скосила немецкая очередь. Когда отплывали над берегом, услышали взрыв на мосту, и увидели, оглянувшись, что мост горит. И всё стихло. Выплыли обессиленные на противоположный берег, гораздо ниже.

Только к ночи Леонид с товарищем попали в свою роту. До этого их сначала помуржили в спецчасти, куда доставили, выловив из реки. Документов у них с собой конечно же не было. Но позвонили и справились, что, да как в соседний полк. Задавали наводящие вопросы, а потом накормили и сопроводили в свою часть.

Полк Леонида, уже форсировал реку и перешёл на правый берег, поэтому бойцов на машине доставили уже по частично обгоревшему мосту, прямо через то место, где они несколько часов назад держали оборону. Теперь это была уже наша земля, обильно политая кровью... Наши закрепились всё таки на правом берегу, и не только возле моста, но и на протяжении нескольких километров. Части сразу трёх гвардейских полков форсировали Западную Десну на доставленных к реке понтонах и плавсредствах. Но мост устоял, хотя трижды горел, но его тушили, и войска по нему перебрасывались для решающего броска.

Боевое донесение 23 гв. ск № 0134 к 19.00 3.7.44

...Соединения 23 Гв. СК в течение суток вели наступательные бои за овладение г. Полоцк, преодолевая упорное огневое сопротивление арьергардов отходящего противника и на отдельных участках отбивая его контратаки, части 51 Гв. СД и

213 Гв. СП, 71 Гв. СД к 11.00 очистили южную часть г. Полоцк и вышли на южн. берег реки Зап. Двина на участке: Каз.—Екимания. Две стрелковые роты от 3/158 Гв. СП 51 Гв. СД, используя подручные переправочные средства, переправились на сев. берег реки Зап. Двина с поддерживающими артиллерией, минометами и двумя танками 2 ОГВ.ТПП, продолжая преследовать отходящего противника.

У Николая от радости рот до ушей, когда он увидел перед собой своих бойцов, давай их тискать.

– Лёнька! Мишка! Живые! Я же говорил, что выберутся! Среди убитых не наши. Романенко с Никифоровым подорвали себя, троих ещё нашли убитых. А вы куда подевались?

– Обрато на тот берег эвакуировались. Петр с Иваном нас прикрывали. Вечная всем им память!

– Тут смотри, что было. – Николай присел на поваленный телеграфный столб. – Наши к мосту никак не могли прорваться. Увязли на подходах. Вас-то когда немцы выбили, опять нависла опасность того, что мост смогут взорвать. Дело только времени. Комполка приказал атаковать мост в лоб. Захватить и удержать до подхода танков. Наш взводный Сашка Григорьев отобрал 22 бойца и вперёд. Пока артиллерия и самоходки по немцам били, они мост взяли. Укрепились на ваших же позициях. А наши всё никак не могут прорваться со стороны вокзала. Григорьев четырнадцать атак отбил со своими ребятами. Тогда немцы подогнали огнемёты и всех их сожгли. А мы уже форсировали реку по всему центру города. Чуть не поспели. Все ребята погибли, но мост удержали. Завтра их хоронить будут. Эх, жалко мужиков, такие хлопцы были! А Сашка Григорьев! Ему-то это дело доверили, как лучшему, не мне...⁴

⁴ Николай был не прав, утверждая, что погибли все бойцы подразделения А. М. Григорьева. Долгое время действительно считалось, что все гвардейцы погибли. Однако старшина Михаил Кожевников остался в живых. Раненого, его подобрала санитары. Однополчанин Михаила, полковник в отставке Ф. Т. Селиванов в книге «Гвардейцы» рассказал о том, как он разыскал уцелевшего воина. Наблюдая из укрытия за боем, санитар-сержант С. Д. Алферов увидел, как струя пламени из огнемета накрыла одного из воинов, и в то же время разорвался снаряд. Вверх поднялся фонтан земли. Человек упал, и его присыпало землей. Воина откопали. Он оказался жив. Его переправили в медсанбат, а оттуда в один из госпиталей. После демобилизации Михаил Кожевников работал на строительстве Куйбышевской ГЭС, затем шофером в Ставрополе, с 1984 по 1987 годы – на Полоцком авторемзаводе слесарем-сантехником.

04.07.1944 года. От Советского информбюро:

Войска 1-го Прибалтийского фронта овладели городом Полоцк... Наши войска прорвали оборонительную линию, преодолели внутренние обводы полоцкого укрепленного района и вчера завязали бои на улицах города. Немцы отчаянно сопротивлялись и цеплялись буквально за каждый дом. Но наши бойцы выбивали их из подвалов, домов, блиндажей и дзотов. Бои продолжались всю ночь. Сегодня утром наши войска штурмом овладели городом. В боях за Полоцк немцы понесли огромные потери в людях и технике. Захвачено много трофеев и пленных.

Западнее и юго-западнее города Полоцк наши войска продвинулись вперёд на 35 километров и овладели узловой железнодорожной станцией Воропаево. Захвачено 4 эшелона с военными грузами, 4 артиллерийских склада и 8 танков.

Западнее города Погост Новый Н-ская часть уничтожила 132 сапёрный батальон и 132 артиллерийский полк противника. Захвачено 16 орудий, много автомашин и повозок. Западнее города Глубокое наши подвижные отряды разгромили большую немецкую автоколонну и захватили 450 автомашин.

В городе Глубокое советские части захватили крупные склады 3-й немецкой танковой армии, в том числе 11 складов с продовольствием. На железнодорожной станции захвачено 6 паровозов, до 500 вагонов и 135 автомашин. Наша штурмовая авиация активно поддерживала действия наземных войск. Бомбовыми ударами и пушечно-пулемётным огнём советские лётчики уничтожили 4 танка, свыше 200 автомашин и 60 повозок с войсками и грузами, взорвала 7 складов с боеприпасами и склад с горючим. В воздушных боях сбито 13 немецких истребителей.

Приказом Верховного Главнокомандующего в ознаменование освобождения г. Полоцк, в Москве был произведен салют 20 артиллерийскими залпами из 224 орудий.

6. Август 1944 года г. Каунас, Литва

Дела у меня идут на поправку. Госпиталь в Каунасе – настоящий курорт, и погода замечательная. Кормёжка что надо. Со вчерашнего дня разрешили выходить на улицу, покурить. Я-то себе вполне нормально, а вот Колька ещё слабоват. Похудел, скулы заострились, ну да ничего, были бы кости целы, а мясо нарастёт. Так, кажется, бабушка говорила. Утром фотограф был, сфотались на память втроём. Коля справа, Сашка

Смирнов из под Ачинска – слева, а я сзади по центру. Фотки обещали через пару дней. Надо домой отправить и Маше. От неё было только одно коротенькое письмо, ещё до Полоцка, в конце июня. В нём благодарила за посылку, которую я ей оставил, сухпай там разный, мыла кусок, ещё чего по мелочи, передал ей через Валентину, подружку её. Та Кольку прибежала проводить. А Машу не пустили, привезли партию раненых, надо было размещать, перевязывать, а ей так хотелось ещё хоть на минутку увидеться. Мне, кстати тоже. Просила писать и беречь себя...

Может быть, сегодня почта будет. Сам-то ей уже три раза написал. Ответ на то её письмо, да до этого раз, и из госпиталя одно. Домой тоже написал, что жив и практически здоров. Отдыхаю, поправляюсь, набираюсь сил. Рядом друзья-товарищи, так что не скучаем. Скоро поправимся, и снова будем бить фрицев уже на чужой земле. В Белоруссии было жарковато – лето такое выдалось. Но немцам жару тоже задали, будут знать, как своими погаными ногами нашу землю топтать. Скоро за всё ответят. Ну и так далее, в том же духе.

Ну а сюда как попали-то? Это когда Полоцк зачищали 4 июля, немцы уж больно отчаянно дрались, даже в контратаки бросались, чтоб прорваться, значит. Получилось, что нас несколько человек отрезали от своих, взводного Кольку ранило в грудь, он сознание потерял. Меня тоже ранило, в бедро. Нога как будто отстегнулась. Ну, вот я Кольку за шкирку, на плащ-палатку и к своим. Немцы «на хвост сели», пришлось малость пострелять, хорошо воронка подвернулась. Туда Кольку затащил, оборону занял. Думал, правда, что каюк, но тут гвардейцы соседнего полка подоспели, выбили фрицев. наших опять полегло! От роты едва половина осталась.

Ну, так вот, нас в медсанбат, а в начале августа в госпиталь, в Каунас. Наши уже без нас, почитай всю Прибалтику освободили. За то, что командира раненого из боя вытащил, меня к ордену Отечественной войны II степени представили. Кольку тоже, только ему I степени, наверное, по совокупности. А так вообще-то не справедливо получилось – я же его тащил, а не он меня. Но это я так. Я же его не из-за ордена тащил... О, лёгок на помине, пойду, вроде бы меня зовёт...

– Мне тут письмо передали! – Колькино лицо совсем не выражало радости, – от Валентины.

– Как же так? Я тут караулю письменосца, а он мимо меня! Мне опять ничего не было?

– Валентина тут и тебе написала, просила передать. – Николай протянул Лёнке сложенный треугольником листок. – Ты, это... Мужайся солдат.

– Чего? Чего мужайся?

Леонид развернул листок, торопливо побежал глазами по строчкам. Валентина писала:

«Здравствуй, Леонид! Пишет тебе подруга Маши Смирновой, Валентина Скворцова из Велижа. Ты должен меня помнить, на танцах в тот вечер мы были с

Машей. Потом ты посылку через меня ей передавал. Ты, наверное, ждёшь письмо от неё, но его не будет. Дело в том, что Маша погибла 5 августа. Был субботник, и мы убрали площадь в центре города. Там большие бетонные блоки, их руками не поднять, на конях оттаскивали. Когда кусок один оттаскивали, она рядом стояла, а под ним оказалась мина. Когда плиту сдвинули, то мина взорвалась, и лошадь убило наповал, а Маше осколок попал в живот. А больше никого не зацепило, все осколки пришились в плиты. Мы Машу до больницы на руках несли, но не успели, и она умерла. Была в сознании до конца и просила, чтобы ты её простил, что она не убереглась. И ты меня прости, что не сберегла её. Она так тебя любила! Только про тебя и говорила всё время. Ещё за день до этого, она сказала, что, кажется, у неё будет ребёнок. Она такая счастливая была...»

Слова письма никак не хотели доходить до Лёнькиного сознания. Разве такое может быть? Это они здесь могут погибать, потому что здесь война, враг лицом к лицу, а там она уже закончилась! Этого просто не может быть! А как же теперь дальше? Он хотел дочитать письмо, но строчки прыгали и расплывались, а грудь сдавила боль. Усилием воли справился с собою.

«... Похоронили мы Машу в воскресенье 6-го августа, возле братской могилы, там же на площади. Бабуля Машина, не выдержала и слегла. За ней постояльцы ухаживают. Вы отомстите фашистам за всё. Привет вам от всего нашего госпиталя: бойцов, врачей и сестричек.

Крепко жму твою руку.

Валентина Скворцова. 8.8.44 г.»

7. Июнь 1974 года Иркутская область

Быстро светало. Ночь в июне коротка. Как в той фронтовой песне. Леонид Иванович докурил последнюю папиросу, скомкал пустую пачку и бросил в мусорное ведро. Сегодня воскресенье, на работу идти не надо – в колхозе выходной. Хотя могут выдернуть в любой момент. Однако у скотины выходных нет, и скоро начнут мычать корова и телка, требовать внимания, и пора будет управляться по хозяйству.

Был ли счастлив Леонид в своей жизни? Конечно да. Всё послевоенное время он строил своё счастье, своё и своей семьи. Была ли любовь к Серафиме? Спустя многие годы можно твёрдо сказать, что да. Но она появилась не сразу. Была симпатия, потом пришло уважение, а теперь как будто срослись. Чувствуют друг друга, и друг без друга не представляют себя...

Родителей схоронили. Сначала мать, а за отцом доглядывали – переходить жить к детям он не захотел. Тут в основном Серафимина забота была, чтоб без неё делали! Однако отец задерживаться на этом свете не захотел. И через год ушёл вслед за матерью. Но за это время и дети выросли. Николай с Сашкой уже семьями обзавелись, внуки народились, а младшая любимица Маша осенью поступает в медучилище. Хочет быть врачом, спасать людей. Что ж, дело доброе, пусть учится, будем помогать с матерью. Силы пока есть. Опять же Иван – брат Серафимы заместо родного сына. Тоже семейный. Уехал на Дальний Восток. Бывает, правда, редко, всё зовёт к себе...

В селе почёт и уважение. Только мало кто знает, какую ценою купил он своё счастье. Не расплескал, не профукал. Может, в этом помогла та давняя история, которой сегодня ровно тридцать лет. Там счастье уместилось в одни сутки и закончилось в один миг. И хорошо, что у Маши оно успело случиться в её короткой жизни. Память о ней он сохранит, сколько бы не отмерено было ему ещё жить на этой земле. Вот крестик её у него на шее, потемневший, потёршийся. И, правда, сохранил его во всех передрыгах. Вот такая штука!

Пропел петух, ему начали вторить по всей деревни другие. Леонид Иванович улыбнулся в усы. Хороший у них с Серафимой кочет. Самый голосистый на селе.

Третьи петухи уже пропели – надо жить дальше.

ПРИЛОЖЕНИЕ К РАССКАЗУ «НОЧЬ КОРОТКА»

Фотографии взяты в сети интернет в свободном доступе.

К главе: 2

Солдаты на марше.

К главам: 2,3:

г. Велиж во время оккупации. Мостик через речушку Велижка.

Освобождённый г. Велиж 1943 г.

К главе 2:

Выступление Джаз – оркестра Л. Утёсова на фронте

Леонид Утёсов и его дочь Эдит Утёсова поют песню «Будьте здоровы»

Евгений Долматовский

Марк Фрадкин

*Авторы песни Случайный вальс
(Офицерский вальс)*

Советские бойцы танцуют с местными жителями.

Слева на сцене видны артисты

К главе 4:

Перед боем

К главе 5:

Воины 1-го Прибалтийского фронта ворвались в Полоцк. 4 июля 1944 г.

Форсирование р. Полота (приток Западной Двины) в г. Полоцке

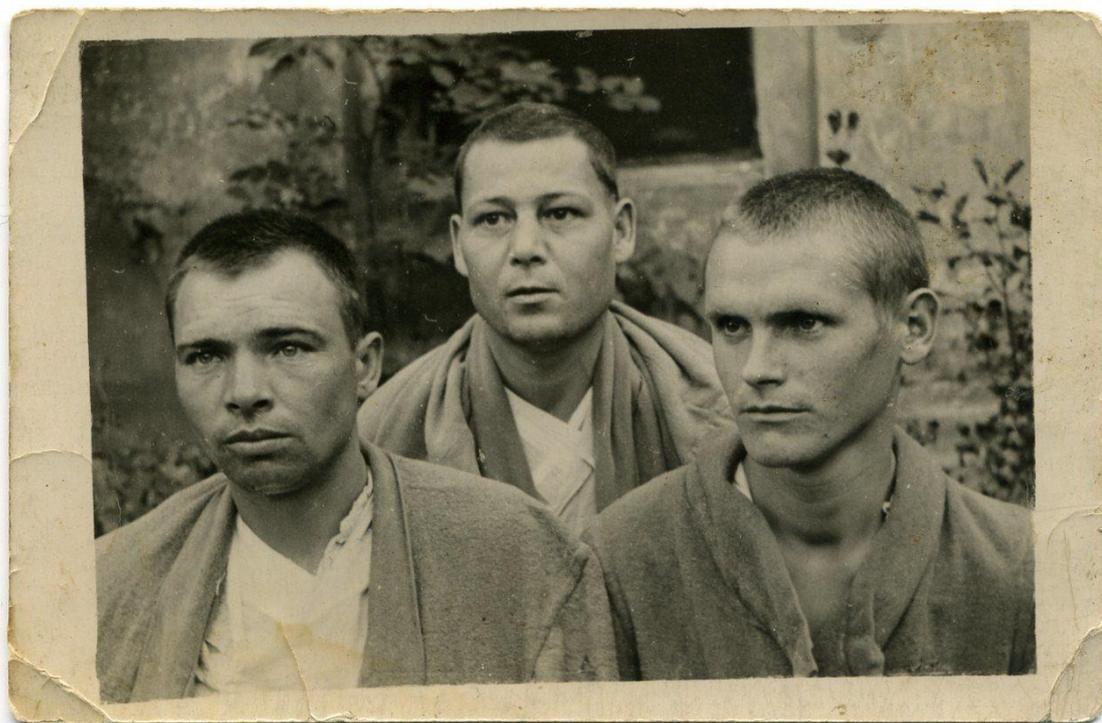
Наведение переправы на р. Полота (приток Западной Двины) в г. Полоцке

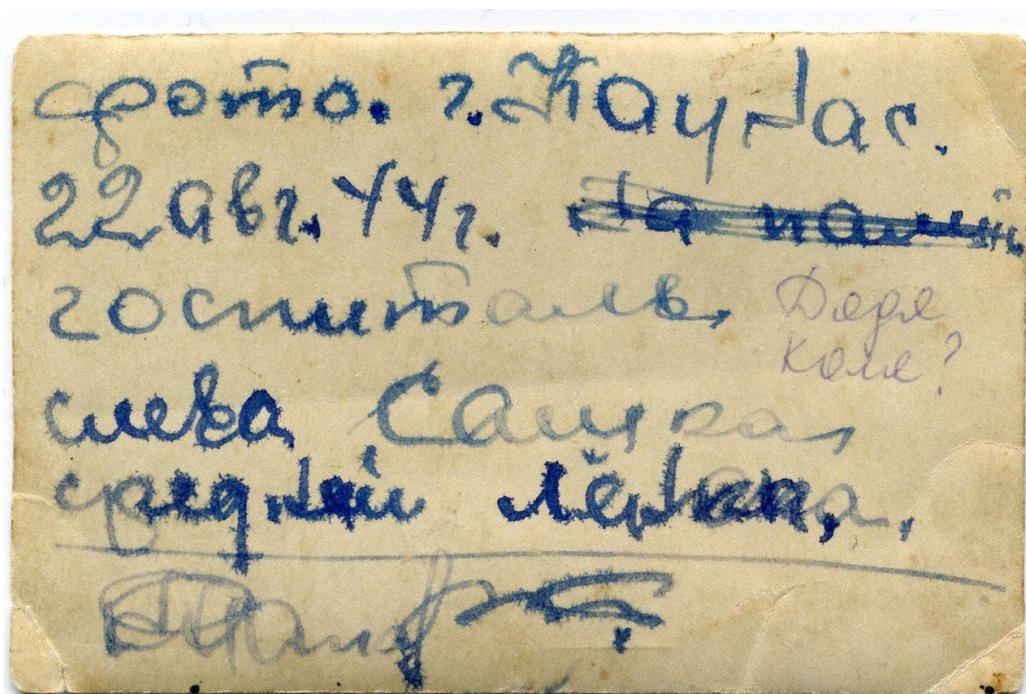
Полоцк наш

*Освобождённый Полоцк.
На переднем плане убитый немецкий солдат.*

Госпиталь г. Каунас. 22 августа 1944 г.
Справа Николай, слева Александр, в центре Леонид.

Оборотная сторона фотографии подписанная рукой Николая.
Фото из архива автора

Памятник 23-м бойцам 158-го полка 51-й гвардейской стрелковой дивизии, которые 3 июля 1944 года ценой своей жизни удержали захваченный плацдарм на берегу Западной Двины до подхода основной группы войск. Полоцк. Установлен в 1989 г.

Памятник «Освободителям Полоцка». Установлен на площади Свободы. В братской могиле похоронены 16 воинов, погибших в 1944 г. при освобождении Полоцка.

Юрий Визбор - Цена жизни

"Товарищ генерал, вот добровольцы -
Двадцать два гвардейца и их командир
Построены по вашему..." - "Отставить, вольно!
Значит, вы, ребята, пойдете впереди.
Все сдали документы и сдали медали.
К бою готовы, можно сказать...
Видали укрепленья?" - "В бинокль видали."
"Без моста, ребята, нам город не взять."

Этот город называется Полоцк,
Он войною на две части расколот,
Он расколот на две части рекою,
Полной тихого лесного покоя.
Словно старец, он велик и спокоен,
Со своих на мир глядит колоколен,
К лесу узкие поля убегают -
Белорусская земля дорогая.

"Задача такова: в город ворваться,
Мост захватить и от взрыва спасти.
Моста не отдавать, держаться, держаться
До подхода наших танковых сил.
А мы-то поспешим, мы выйдем на взгорье,
Прикроем артиллерией смелый десант.
Как ваша фамилия?" - "Лейтенант Григорьев!"
"Успеха вам, товарищ старший лейтенант!"

Беги вперед, беги, стальная пехота -
Двадцать два гвардейца и их командир.
Драконовским огнем ревут пулеметы,
Охрана в укреплениях предместных сидит.
Да нет, она бежит! В рассветном тумане
Грохочут по настилу ее сапоги,
И мост теперь уж наш! Гвардейцы, внимание:
С двух сторон враги, с двух сторон враги!

Четырнадцать атак лавой тугою
Бились об этот малый десант.
Спасибо вам за все, товарищ Григорьев -
Командир десанта, старший лейтенант.
Вот берег и река, грохотом полны,
И мост под танками тихо дрожит...
Товарищ генерал, приказ ваш исполнен,
Да некому об этом вам доложить.

Кладбище немецких солдат в Смоленской области